

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

Сергей ЗВЕРЕВ

АНТИБОМБА

Спецназ. Группа Антитеррор

Сергей Зверев

Антибомба

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Антибомба / С. И. Зверев — «Эксмо», 2016 — (Спецназ. Группа Антитеррор)

ISBN 978-5-699-87314-2

Руководству ФСБ становится известно, что на территорию России тайно завезены компоненты «грязной» атомной бомбы. Но куда именно? Свидетель, знавший подробности предстоящего теракта, погиб при задержании. Оперативники разрабатывают план «Фукусима», целью которого является захват террориста Марида Бешеного. По данным разведки, именно у него находится микрочип управления взрывателем бомбы. Осуществить захват поручено майору спецназа Сергею Гончаренко. В ходе операции он не только выясняет, где находится бомба, но и узнает, кто скрывается под именем Марида Бешеного.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87314-2

© Зверев С. И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	30
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Зверев

Антибомба

© Рясной И., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Глава 1

Миром правят случайности. И главная причина такого положения вещей в том, что никаких случайностей на самом деле нет. Ведь случайность – это не что иное, как непознанная закономерность.

Значит, кому-то, кто наверху раскидывает карты бытия, понадобилось, чтобы Азат Акчурин увидел эту компанию.

На улице Александра Невского в Кручегорске в невзрачную красную «Ладу Калину» садились трое субъектов совершенно непрезентабельного вида. Подобные представители бывших окраин советской Империи обычно с приходом весны принимаются за плату малую кротами шуршать на чужих садовых участках, что-то копая, подправляя покосившиеся домики, приводя в порядок теплицы, работая по принципу «хозяин, что еще прикажешь». Не у каждого полиция поднялась бы рука потребовать мзду за нарушение правил регистрации с подобных убогих неудачников.

У Акчурина было отличное настроение. Сегодня он готовился отметить день рождения младшенькой дочки – ей стукнуло пять лет. Сегодня был выходной. Сегодня была хорошая мартовская погода – солнце одарило горожан своими щедрыми лучами. Жена, дети, дом и достаток – что нужно еще человеку, чтобы быть счастливым? Наверное, ничего. Да вот только чтобы вмиг утратить это ощущение безмятежности, ему тоже много не потребовалось – всего лишь кинуть мимолетный взгляд на снулое, равнодушное лицо заезжего гастарбайтера.

Больше полутора десятков лет прошло с того момента, как эта физиономия намертво врезалась в память Акчурина. Время не слишком усердно поработало над этим лицом – мелкие обезьяньи черты остались, а морщин прибавилось совсем немного, да еще волосы поредели, не было уже той жесткой черной копны. Главное, никуда не делся этот взгляд раскосых глаз – мутный, равнодушный и безжалостный. Взгляд убийцы.

Как же давно это было. В другую историческую эпоху. Тогда дотлевала рыжим пламенем лесов поздняя осень. Группу специального назначения десантировали с вертолетов в горах и навели на базу ваххабитов, обосновавшуюся на границе с Грузией. Грохот винтов, ночная влажная прохлада, пробирающаяся под полевую форму, мелкий дождь и чужие горы, где спецназовцы были нежданными гостями. Был марш-бросок на пределе сил – никогда еще время не работало так против них. Был выход на цель.

Базу хотели зачистить бесшумно, но не удалось. Ваххабиты были начеку. И началась кровавая баня. Спецназ понес потери, но сломил сопротивление, пройдясь огненной метлой по хорошо замаскированному лагерю. Однако часть боевиков сумела уйти. Было организовано преследование.

Шаг за шагом, подошвы ботинок скользят по влажным камням, за одежду цепляются жесткие ветви, будто специально сбивающие ритм и темп. Лейтенант Акчурин превратился в робота, совершающего запрограммированные движения. Иногда ему казалось, что он с начала времен бредет незнамо куда и зачем. Чувства и азарт выгорели. Силы были съедены марш-броском и недавним боем. Остались только простые движения, подпитываемые последними, неприкосновенными запасами энергии и воли. И в глубине сознания ярким маркером горела цель – настичь и уничтожить. Весь мир, все его тайны, все душевные устремления и мечты, вся жизнь офицера-спецназовца не имели теперь никакого значения. Была только дорога. И казавшаяся недостижимой цель – уходящие от преследования боевики.

На берегу горной речки, вода которой сыпалась жемчужной россыпью с высей, Акчурин столкнулся нос к носу с этим мутноглазым чертом.

Они застыли, глядя друг на друга, всего на пару секунд. И Акчурин знал, что выстрелит быстрее.

– Отпусти, десантник. Деньги дам, – прошипел боевик.

Это звучало настолько абсурдно в пропитанном болью и кровью ущелье, что Акчурин издал какой-то приправленный сумасшедшинкой смешок, и палец его вдавил спусковой крючок.

И небо обрушилось на него, погребя под своими осколками в кромешной тьме.

Уже позже, в госпитале, он узнал, что прозевал еще одного боевика, доставшего его выстрелом из подствольного гранатомета.

И еще ему сказали, что он так и не успел добить того самого мутноглазого, оказавшегося известным боевиком. Этот мерзавец отличился при захвате средней школы в Дагестане. И Акчурин не раз клял себя за ту свою ненужную усмешку – времени, потраченного на нее, как раз не хватило, чтобы отправить это шайтаново отродье напрямик в ад.

С тех пор Акчурину не раз снилось это лицо, гримаса которого была оскалом самой смерти, тогда милостиво обошедшей молоденького лейтенанта стороной. И вдруг этот проклятый образ материализовался наяву. Гроза детей, заслуженный абрек, отпетый ваххабит жив-здоров и спокойно бродит по российским городам. Значит, снова будут греметь взрывы и выстрелы, унося жизни невинных людей.

Акчурин встряхнул головой. Может, показалось? Мало ли на свете похожих людей?

Может, и немало. Но Акчурин был уверен – это он, Мустафа Юсупов, находящийся уже полтора десятка лет в международном розыске, не раз в оперативных сводках числившийся убитым и все время чудом воскресавший.

Юсупов мазнул рассеянным взглядом по прохожим, на миг остановившись на Акчурине. Узнал? Вряд ли. Хотя все может быть.

Хлопнули дверцы, и, тяжело переваливаясь на натруженных колесах, натужно подвывая мотором, старенькая «Лада Калина» влилась в поток дорожного движения.

Несколько секунд Акчурин простоял как вкопанный. Потом хлопнул себя по карману, вытащил мобильник, набрал ноль-двадцать и произнес чеканно:

– Подполковник Российской армии Азат Акчурин. Только что на улице Александра Невского видел человека, похожего на Мустафу Юсупова, находящегося в федеральном розыске за терроризм. Он отъехал на автомашине «Лада Калина» красного цвета в сторону площади Ленина. В салоне три человека. Номер автомашины...

Продиктовав номер, уточнив детали, поняв, что его сообщению не слишком обрадовались, но проверять будут, Акчурин дал отбой и присел на лавочку на автобусной остановке. В груди его застыл холодный нервный ком...

Красную «Ладу Калину» сотрудники ГИБДД засекли в железном потоке на окраине города, перед въездом на мост через реку Урзань. Ориентировка была не особо внятная: «Лица, которые могут являться террористами, но вместе с тем кто их знает, поэтому особо не усердствуйте, но и спуска не давайте. Высылаем подмогу на всякий случай».

На взмах «волшебной палочки» – гаишного жезла – «Лада Калина» безропотно остановилась. Сержант полиции остался в стороне на обочине, как бы невзначай положив ладонь на автомат. Его начальник подошел к «Ладе Калине» со стороны водителя и козырнул:

– Лейтенант Сидоров. Предъявите водительское удостоверение и документы на машину.

– Ой, товарищ лейтенант, стоило раз в жизни правила не нарушить, и тут же остановили, – широко улыбнулся водитель – деревенского вида русский конопатый парень лет двадцати пяти. – Если что – я шучу.

Он протянул документы.

Лейтенант обвел критическим взглядом пассажиров – двоих смуглых гастарбайтеров с мозолистыми, черными от земли и солянки руками. Что-то на террористов они не тянули. Типичные «плитка кладу, проводку тяну, газоны кошу, насвай жую». Но машину все равно придется досматривать, правда, как советовали, не усердствуя.

Сзади резко остановился полицейский «уазик» патрульно-постовой службы. Из него выпрыгнули двое бойцов, один с укороченным автоматом Калашникова, другой с пистолетом Макарова наперевес. Вот и обещанная подмога.

– Выйти из машины! – во весь голос заорал автоматчик. – Руки на капот, чтобы мы видели!

Экипажу «уазика» дежурный по городу сообщил, что в красной «Ладе Калине» разъезжают террористы и нужно взять их на посту ГИБДД, где машину сейчас досматривают. Поэтому действовать патрульные решили кавалеристским наскоком.

Водитель «Лады Калины» до упора вдавил педаль газа, а смуглый, морщинистый, похожий на обезьяну-капуцина гастарбайтер дал длинную очередь из как по волшебству возникшего в его руке пистолета-пулемета «Скорпион».

Лейтенант рухнул как подкошенный, словив пулю калибром девять миллиметров в грудь. Патрульный сержант с пистолетом успел целым и невредимым распластаться на асфальте. А старшина с автоматом, мочку уха которого срезало пулей, поднял свое оружие и уложил весь магазин во взлетевшую на мост «Ладу Калину».

Машину занесло. Она вильнула. Ударилась об опору моста. Перевернулась, едва не снеся с дороги чудом успевший вывернуться встречный «Форд»-фургон.

Стрелял старшина добротнo. Двое пассажиров были мертвы. Третий, тот самый «капучин» со «Скорпионом», позже идентифицированный как Мустафа Юсупов, еще дышал.

И если полицейские и сотрудники местного ФСБ искренне надеялись на то, что Юсупов сдохнет, то прилетевшему в тот же день в Кручегорск начальнику управления «НК» ФСБ России генералу Ломакину известный террорист был нужен живым. Кровопийца должен выжить и заговорить, иначе этот город или какой-то еще, по выбору, потряхнет сильнее любого землетрясения...

Глава 2

Перед реанимационными палатами стояли двое бойцов. Это были не обычные солдатики или сверхсрочники, а матерые, смертоносной мощной грацией похожие на альпийских овчарок вояки, вооруженные пистолетами-пулеметами «Вереск». На территории госпиталя погранвойск присутствовало незаметно для глаз еще более десятка серьезных ребят, готовых подавить любую попытку штурма, ликвидации или спасения объекта охраны. При необходимости через несколько минут тут будет любое подкрепление – хоть вертолеты, хоть бомбардировщики. Меры безопасности были предприняты беспрецедентные. Такого еще никто из местных чекистов не видел. Но никто из них и подумать не мог, что стоит на кону.

Крепко сколоченный мужчина лет пятидесяти пяти, чем-то похожий на седого, умудренного жизнью бобра, одетый в идеально подогнанный костюм, в сопровождении грузного краснотелого начальника областного УФСБ и статного, высокого главного врача проследовал к палате и остановился перед ее дверьми.

К ним подскочил измотанный затянувшимся дежурством, осунувшийся врач-реаниматолог и по-военному четко доложил:

– Состояние пациента тяжелое. В сознание не приходил. Делаем все что можем.

– Хотя бы на миг приведи его в сознание, доктор, – потребовал седой – важная московская шишка, перед которым заискивали могущественные местные руководители.

– Он умрет, – сказал врач.

– Я куплю ему цветы на могилу, – усмехнулся седой.

– Но...

– Слушайте, доктор. Теперь это не ваш пациент. Теперь это наш пациент. Со всеми вытекающими.

– Делай, что говорят, – сухо произнес главврач.

– Есть, – безрадостно произнес помрачневший врач.

Мустафа Юсупов лежал, опутанный проводами, на койке. Пиликала аппаратура, сигнализируя о его состоянии.

Минут через десять в результате манипуляций врачей и ударной дозы лекарств раненый приоткрыл глаза. И немигающе уставился на московского гостя.

– Где изделие? – спросил седой, оставшийся наедине с раненым.

– Что? – еле слышно прошептал Юсупов.

– Где бомба?

Губы Мустафы тронула слабая улыбка.

– Вы все подохнете, грязные шакалы, – вдруг неожиданно резко бросил он. – В струпьях и язвах.

– Где она?

– Узнаешь... Когда взорвется.

Юсупов резко дернулся, приподнимаясь на кровати. Опутывавшие его провода и трубки отлетели. И палату огласил захлебывающийся безумный смех.

Обессиленный террорист рухнул обратно на кровать. По его телу пробежала судорога.

В палату ворвались врачи. Стали колдовать вокруг больного. Но все было бесполезно – из этого тела ушла душа.

– Сорвался, гад, с крючка, – прошептал москвич – начальник Управления «НК» ФСБ России генерал-лейтенант Александр Ломакин.

По долгу службы он знал много такого, что большинству населения Земли знать не просто не положено, но и противопоказано для душевного здоровья. Например, что Мустафа Юсу-

пов руководил терроргруппой, в задачу которой входила доставка и активация на территории России «грязной бомбы».

Мустафа уничтожен, члены его группы тоже. Бомбу они не взорвут... Не взорвут в ближайшее время. Но она никуда не делась – ждет где-то в укромном месте часа своего адского торжества.

Те, кто посылал Мустафу сюда, не отступятся. Они пришлют новую группу. А потом еще. Людей у них много. Бомба одна. И взорваться она не должна...

Пользуясь своей личной привилегией, Ломакин настроил по возвращении в столицу пространную докладную записку на Президента России и передал ее напрямую, минуя все бюрократические преграды. В этой официальной бумаге он изложил предложения о путях решения проблемы.

Ряд из этих предложений относился к разряду безумных. Но еще более безумным было допустить изотопный удар по России.

Глава 3

В жару гораздо лучше кока-колы и минералки помогает зеленый чай. И он ждал своей участи в тяжелом антикварном фарфоровом чайнике, стоящем на небольшом низком столике. Этот божественный напиток был приготовлен из самых лучших ингредиентов самым лучшим специалистом, с любовью и знанием дела. Наверное, здесь все было самое лучшее. И мебель, и вещи, и восточные сладости, и вышколенная прислуга. И даже жара была вне конкуренции – от нее хотелось лечь и растечься тающим куском льда, чтобы больше никогда не шевелиться, а так и испариться, перейти в другое агрегатное состояние.

В старинном восточном дворе бил фонтанчик, рассыпающий вокруг себя алмазы искрящихся на солнце брызг. Антураж отлично подошел бы для съемок экранизации «Сказок Шахерезады». Классический Восток, наполненный мистическим очарованием. Продвинутый, передовой, полный тайн и достижений Восток времен Арабского Халифата. Того Востока уже нет больше тысячи лет. А Халифат вдруг объявился и во весь голос заявил о себе в космический двадцать первый век. И двое собеседников, утопавших в атласных мягких подушках, поднимая пиалы с ароматным чаем, знали об этом не понаслышке.

Со стороны могло бы показаться, что здесь течет вполне мирная беседа на английском языке, которым собеседники владели в совершенстве, хотя он никогда не был для них родным. Но вот только ощущалось в воздухе электрическое напряжение – из тех, которые готовы в любой момент разрядиться грозой и распылить на атомы все вокруг. Этих двоих роднила ненависть друг к другу. Они были из противоположных миров. И между ними пролегла война.

Давно состоялся обмен витиеватыми любезностями, с которого начинаются все разговоры на Востоке, – как ваше здоровье, как здоровье ваших родственников, верблюдов и рабов, да продлит Аллах их годы. И вот теперь начиналась дуэль. Дуэль нервов и слов. Дуэль, от которой зависели тысячи жизней.

– Да не ошибся ли я, и правда ли мои уши слышат это? Вы обвиняете нас в таком святотатстве, от которого сам Пророк содрогнется на небесах? – прищурился добродушного вида толстяк в шитом золотом восточном халате. Он выглядел настолько безобидно и говорил так искренне, что ему хотелось верить.

Его собеседник, седой европеец лет шестидесяти, сухощавый, с прямой военной выправкой, поставил пиалу на столик и откинулся на подушки, недобро буравя собеседника пронзительными черными глазами. Его губы скривила язвительная усмешка:

– Уважаемый друг. Хватит жонглировать словами. Вы не цирковой артист, а я не благодарный зритель. Есть такая игра: я знаю, что ты знаешь. Так вот – мы знаем все.

– Все знает только Аллах... Но я с удовольствием приму от вас слова мудрости и познания...

– Руководство Вечного Халифата и их братья из Объединенных аравийских королевств, представителем которых вы являетесь, запланировали в одном из регионов России террористический акт с использованием так называемой грязной радиоактивной бомбы. Она создана на племенных территориях Пакистана и в регионах Ближнего Востока, подконтрольных Халифату. Сюрприза не получилось. Пора отзываться своих бешеных псов.

– Не знаю никаких псов, – укоризненно покачал головой хозяин дома. – Если вы о воинах Ислама, то мое сердце наполняется болью от таких эпитетов по отношению к ним. И если даже нашлись среди них те, кто во имя священного похода против неверных готов сжечь себя и врагов в очистительном пламени, то кто мы такие, чтобы останавливать их?

– Дело не в том, кто вы такие. Дело в том, кто мы такие. – Европеец ласково улыбнулся. – Мы не какие-то США. Не будите медведя – его уже не загнать обратно в берлогу, пока он не порвет всех.

– Вы хотите испугать тех, кто стоит за правое дело, уважаемый мистер Джуканович? – делано удивился арабский принц. – Тогда вы бесстрашны. До безумия.

– Уважаемый шейх Азим, вы же знаете, что мы с вами ничего не решаем. Мы лишь говорящие головы. Меня вы можете приказать порвать на части, отрезать голову для поднятия собственного настроения. Но это ничего не изменит.

Это на самом деле было так. Бизнесмен из Австрии сербского происхождения и скромный дальний родственник короля Объединенных аравийских королевств были лишь послами сил, давно находившихся в состоянии конфронтации. А задача послов – максимально убедительно донести позиции сторон. Но и рядовыми исполнителями их тоже не назовешь – мнение этих людей кое-что значило. Они были большими специалистами в закулисных переговорах и тайной дипломатии.

– При ядерной атаке на наши города мы обязательно найдем и обнаружим свидетельства причастности Вечного Халифата и Объединенных королевств к данной акции, – проинформировал Братислав Джуканович. – Принято решение о полномасштабном возмездии, в том числе на вашей территории.

– В случае такого коварства Аллах поможет своим верным слугам!

– Я бы на это не рассчитывал... Скажите, вам действительно так нужно, чтобы вашим внешним врагам или внутренней оппозиции без ограничений поставлялось надежное русское оружие? Или чтобы крылатые ракеты прочертили ваше безоблачное небо?

– Вы будете бомбить пустыню? – недоуменно спросил араб.

– Мы найдем что разбомбить в пустыне. Мало что по красоте может сравниться с пылающей во тьме нефтяной вышкой.

– Вы не посмеете, – без особых эмоций изрек араб. Королевство находилось под американским зонтиком, и русские вряд ли решатся на полномасштабные военные действия.

– Блажен, кто верует. Спешу разочаровать вас – в случае ядерной атаки по вам будут нанесены массированные удары авиацией, ракетами. Также будут проведены операции с использованием сил специального назначения.

– Мы не боимся! Мы на своей земле!

– Вот и нечего лезть на чужую.

– Аллах...

– Аллах давно отказал вам в разуме! Если его именем вы творите дьявольские вещи!

– Не тебе, неверный, осуждать воинов... Вы хотите испугать людей, которые в душе уже мертвы во славу Аллаха?

– Мы не хотим. Мы их запугаем так, что они будут жрать песок и зарываться в норы, лишь бы избежать нашего гнева... Но самое главное – мы уничтожим тех, кто ведет этих людей на убой.

– Слова непочтительные и грубые. Пока ничем не подтвержденные...

Серб потянулся за своим портфелем-дипломатом. Со щелчком открыл замки, приподнял крышку. И положил на стол папку с документами:

– Это те, кто будут мертвы в случае, если вы не прекратите операцию. Некоторые будут мертвы сразу. Некоторые через годы – мы умеем ждать. Мы знаем, что такое кровная месть. И научены убивать гораздо лучше вас.

Араб пролистнул папку и побледнел. Там был начальный перечень объектов для ударов, и уже это могло перевернуть весь расклад сил с ног на голову. В списке значились те люди, которые скрывались в тени, но на самом деле были истинными кукловодами. Также были даны на их родственников, сведения о местах проживания, иная тщательно скрываемая информация. И красной нитью в этих бумагах проходило – русские шайтаны знают все!

– Мы же не можем контролировать всех непримиримых, – проблеял араб, тут же растеявшийся значительную часть самоуверенности.

– Можете. Так же, как Соединенные Штаты могут контролировать вас. Мы знаем, что инициатива идет из-за океана. И у нас есть свои доводы в разговоре с янки.

Как-то незаметно атмосфера сменилась. Если еще недавно араб ощущал себя хозяином положения, теперь давил европеец, наступая по всем фронтам и отрезая путь к отступлению.

– Мы подумаем, – неуверенно произнес принц.

– А вот думать не надо – оно вам вредно. Просто прекратите это...

Возвращаясь в маленьком частном реактивном самолете «Челленджер» в Европу, Братислав Джуканович смотрел на бескрайние пустыни под крылом, и душа его пела.

Представитель российских спецслужб был уверен, что враги внемяют голосу разума. Что переданная им папка – результат многолетней аналитической и агентурной работы русских разведывательных служб – явится тем джокером, который перебьет любую карту. Те, кто заказывает террор, вовсе не торопятся сами на тот свет – они хотят жить долго, счастливо. Если вспомнить последние силовые акции русских, знаменитые удары бомбардировочной и штурмовой авиации по боевикам на Ближнем Востоке, точечные изящные спецоперации, то напрашивался вывод – с долгой и счастливой жизнью у лидеров и заказчиков ядерного террора никак не сложится. Эти люди будут уничтожаться целыми семьями, до последнего. Русские показали, что могут быть кровниками не хуже, чем их враги...

Джуканович понимал, что визит его увенчался успехом. Что у его противников просто нет контрдоводов. Это был очередной шаг в его священной мести тем, кто разрушил его страну, кто убивал его соотечественников, кто бомбил Белград и выжигал мирное население в Косово. И кому он поклялся мстить до последней капли крови, до последнего вздоха. И вот сегодня в топке огня его ненависти сгорело еще немножко нечестивых надежд и планов его врагов. И от этого он был счастлив...

Действительно, ознакомившись с представленными аргументами, инициаторы террористической атаки дали задний ход. Для них это было не в первый раз – дергать за хвост русского медведя. И они, наученные горьким опытом, привыкли вовремя отступать, прежде чем тот откусит им голову.

Вот только возник один нюанс. Вскоре им, причастным, предстояло убедиться, что ситуация неожиданно вышла из-под их контроля. И теперь мир на всех парах летит под откос.

Глава 4

– Вперед, – неласково напутствовал меня вы-водной.

Один шаг вперед. И вот сзади с лязгом захлопнулась тяжелая дверь, отрезая меня от большого мира.

Я повел плечами, разминая руки, которые пришлось держать за спиной. На запястьях отпечатались следы от наручников – результат суетного дня и некоторых жизненных тягот.

– Привет честному народу, – произнес я, выказывая уважение всем собравшимся в камере изолятора временного содержания. – И доброму дому.

– Ну, привет, коли не шутишь, – поднялся с койки густо татуированный, худой, как скелет, среднего возраста субъект в желтой футболке и пузырящихся на коленях ярко-зеленых спортивных штанах. – По какому поводу к нам заехал?

– Со всем уважением, но это пускай при мне останется, – виновато произнес я.

А что, я в своем праве ничего не говорить, чтобы никому искушения не создавать поделиться с посторонними твоими секретами.

Я огляделся. Камера была просторная и вполне комфортабельная. Не пять звезд, конечно, отельчик, но на две потянет. Изолятор временного содержания Кручегорского областного УВД недавно отремонтировали под присмотром мировой общественности и правозащитных организаций. Так что было здесь чистенько, стены выдержаны в приятных кремовых тонах. Интерьер для таких заведений богатый – даже туалет и умывальник имелись в углу, в центре привинчен к полу длинный стол с лавками, а вместо двухъярусных нар стояли обычные кровати. Либерализация уголовной системы привела к тому, что из одиннадцати мест в камере четыре пустовали. А еще недавно народу здесь набивалось больше, чем сельдей в бочке, и спали задержанные в две смены.

– Статья-то хоть какая? – подал голос лысый бугай с татуировкой тигра на груди, означавшей, что ее хозяин нравом отличается грубым и боевитым.

– Да пока выбирают служивые между разбоем и бандитизмом, – поведал я. – Им бы все невинным людям досаждать.

– Раньше на зоне чалился? – не отставал густо татуированный в желтой футболке.

– Да не приведи господь.

– Честный фраер, – определил масть татуированный.

– Честный – это да, – кивнул я и добавил с угрозой: – А на остальное посмотрим.

– Как тебя кличут-то?

– Сергей Владимирович.

– А погоняло? – прищурился татуированный.

– Чаком в определенных кругах, – произнес я. – Но в очень узких.

– Ну а куда уже, чем мы здесь, – хмыкнул татуированный. – Я, значит, Порфирий буду. Старший тут по хате. Это Алабай. – Он кивнул в сторону лысого здоровяка. – А остальные сами представятся... Занимай место свободное.

Я занял место в углу. Да, раньше в казенных домах все строже было. Могли уголовники прописку новичку устроить, если у того еще масти и положения в блатном мире нет. Типа, ныряй на пол с верхних нар. Или покажут на портрет Шварценеггера на стене: дай ему по морде. Новичок и сбивает кулаки в кровь, а нужно-то всего сказать: «Что я, беспредельщик? Пусть он первым ударит». Все это приколы из старых, добрых времен, когда чтители традиции. Ныне в зоне больше деньги, а не понятия рулят. Да и бандиты-спортсмены когда в массовом порядке стали заезжать на нары, то сильно подкосили тюремные нравы, проще все как-то стало и рациональнее. Кроме того, изолятор временного содержания – далеко еще не тюрьма. Здесь содержатся задержанные по подозрению в совершении преступлений. Это как зал ожидания

на вокзале: поспали люди, поели и дождались своего поезда – кому в следственный изолятор, кому под подписку о невыезде, а кому и на свободу с чистой совестью.

Народ в камере собрался из старожилы – то есть кому задержание суд продлил до пяти суток или кто уже арестован, но в интересах следствия в порядке исключения содержится не в СИЗО, а в ИВС. Порфирий был таким старожилы, сидел почти три недели и был тут главшпаном, то есть ответственным за камеру. Лысый Алабай при нем числился кем-то типа вышибалы.

Здесь сидели уголовники средней весовой категории. Особо опасные рецидивисты и преступные авторитеты располагались отдельно, менее скученно и более комфортно. А я заехал в камеру, где собирались сидящие по тяжким статьям – разбойники, квалифицированные воры. Народ взрослый, в целом тихий и степенный.

Правда, когда я в первый раз сел с этой братвой за стол, произошел небольшой инцидент. Долговязый тридцатилетний вечный гопник по кличке Дрын попытался сдвинуть меня с моего места, объявив, что оно принадлежит ему. Я ответил что-то типа: бог подаст. Дрын попробовал вякнуть в ответ что-то непотребное и начать скандал, но Порфирий его резко оборвал:

– А ну цыц! Чак в своем праве...

На этом все конфликты были исчерпаны. И в камеру снизошли спокойствие и умиротворенность.

Вечером я, уютно устроившись на койке, листал книжку древнекитайского полководца Сунь Цзы «Искусство войны». Хотя и было его откровениям больше двух тысяч лет, некоторые еще не потеряли актуальности.

«Готовность пожертвовать собой ради выполнения долга есть основа поддержания жизни».

Да, это такой круговорот – чтобы сохранять жизнь народа, страны, надо чем-то жертвовать. Потому что ты жив из-за того, что кто-то жертвовал жизнью ради тебя. Так уж получилось, что для меня это важно...

Дверь распахнулась. Все встали к стене, как положено. И в камеру завели новенького – невысокого, широкоплечего, лет тридцати пяти – сорока на вид, одетого в дорогие фирменные джинсы и рубашку явно родного американского производства. Его лицо было круглым и немножко простоватым, волосы белобрысые, а глаза голубоватого оттенка.

Всем было скучно и хотелось развлечений. Лысый Алабай и гопник Дрын, видя, что человек не в своей тарелке, решили наехать на него – мол, как в хату заходишь? Кто по масти? Или под шконкой место определить?

Новенький представился Кузьмой, отбоярился, что сидит в изоляторе уже третьи сутки, и его перевели из камеры в правое крыло. Держался он спокойно, с достоинством, и проскальзывала в нем некоторая высокомерность. Поймал я его взгляд, кинутый на уголовников, – смотрел он на них как на расшалившихся детей. И уверенность в его голосе мимолетно проскользнула, как у человека, который знает о жизни и смерти не понаслышке.

– По статье сто пятой подозреваю, – обозначил Кузьма причину своих бед. – Но я не виноват.

– Мы тут все не виноватые, – хмыкнул Порфирий. – Заходи, будь как дома.

Новенький был не прост. Но Алабай с Дрыном этого не поняли. И в покое его оставить никак не хотели. Так что поздним вечером, вместо того чтобы спокойно лечь спать, как это сделал смотрящий за камерой, эти балбесы принялись разводить новичка, койка которого стояла как раз рядом с моей.

– Вот ты зону топтал когда-нибудь, Кузьма? – втирал Алабай.

– Ни разу, – отвечал новенький спокойно. – А ты?

– Была ходка на семь годков. Тюрьму знаю, – заверил Алабай. – Чтобы жить там нормально, людей греть надо. Денежки там с воли. Передачи... Ты кто по жизни, блондин? Коммерсант?

– Он самый.

– Значит, барыга. А барыга – не вор. Барыга только деньгами силен... Вот в тюрьму прийдешь – кто ты там будешь? Мужик? Или из тех, кто под шконкой?.. Там народ суровый, могут и опустить.

– Запросто, – кивнул гопник Дрын, который вообще был первоходок, но страшно хотел выглядеть матерым.

– Так что приплатить надобно бы, – заключил Алабай. – И мы тебе рекомендацию выдадим. Будешь жить на зоне как у Христа за пазухой.

– С чего это? – вдруг возмутился Кузьма. – Я вообще не при делах! И скоро выйду.

– Все так говорят... Но ты как-то, кажется, не понимаешь, что тебе говорят. А если не понимаешь...

– Слышь, грузилы, кончай мужика донимать, – не выдержал я.

– А зачем посторонним в разговор лезть? – зло посмотрел на меня Алабай. – Наше дело.

– Да от вашего трындежа покоя нет. Сюда люди отдохнуть от дел заехали, а вы покой нарушаете дешевыми разводами.

– Во, блин, – уставился на меня Алабай. – А мы с тобой-то, залетный, еще и не потолковали по душам. Сам-то чьих будешь?

– А ты у кореша моего кровного Лехи Бойца спроси, – небрежно бросил я. – Он тебе все объяснит.

На Дрына мои слова не произвели никакого впечатления, и он даже подался в мою сторону, чтобы сотворить что-то безрассудное, но Алабай его остановил. У лысого что-то прояснилось в глазах. Одного из главных местных бандитских авторитетов Бойца блатные знали и боялись как огня.

Алабай взял баклана за локоть и нашептал ему что-то на ухо. Дрын изменился в лице.

– Ладно, если это теперь твой кореш, – Алабай кивнул на Кузьму, – так ты за него и отвечаешь.

– Если и отвечу, то по делу и не перед тобой, Алабай, – небрежно кинул я. – Все, тема разрулена.

– Разрулена, – кивнул лысый, немножко разочарованный, что ему испортили намечающийся бизнес.

Утром, когда сокамерники травили байки за жизнь и политику, ко мне подсел Кузьма и негромко произнес:

– Спасибо за поддержку.

– Да чего там... Братаны просто скучают от безделья, вот и развлекаются в меру умственного развития.

– Клоуны они, – недобро улыбнулся Кузьма. – Хотел уже башку прошибить обоим.

– Выдюжил бы?

– Постарался бы, – спокойно произнес Кузьма.

– Это ты зря. Тут у нас пока все на словах...

– Ну а я человек дела.

– Слушай, Кузьма, – посмотрел я на него критически. – А ведь ты воевал.

– С чего взял? – напрягся он.

– По замашкам. Я своих хорошо чувствую.

– А тебе где пострелять пришлось?

– Вторая Ичкерская война. Спецназ вовчиков.

– Понятно, внутренние войска, – перевел Кузьма на нормальный язык. – Я попроще. Пехота. Горные районы Ичкерии. Больше пятнадцати лет прошло.

– Ты как сюда попал, да еще по такой авторитетной статье? Много народу накрошил?

– Да никого я не трогал! – возмутился Кузьма. – Я вообще из Волгограда. Сюда по бизнесу приехал. Меня рядом с чурбаном одним видели. А потом его подрезанным нашли. Вот и взяли за шкирку.

– Понимаю, – усмехнулся я. – Раньше бы тебе за него орден дали, а теперь в кутузку. Несправедливо.

– Да я правда ни при чем!

– Ну конечно, конечно.

– А сам-то ты за что здесь?

– Да разборки, будь они неладны. Пришлось дагестанцев на место поставить. По-жесткому. А даги сразу заявки строчить. Ну что за люди! Не по понятиям это.

– Это ты что, в авторитете в городе? – заинтересовался Кузьма.

– Да как сказать... Хотя тоже не местный, но вся шушера туземная у меня вот где. – Я сжал выразительно кулак.

– А что же тогда попался? – усмехнулся Кузьма.

– Думаешь, надолго?.. Процесс идет. Адвокаты работают. Кое-кого подмазать осталось. И гуд бай, казенный дом... «Я вышел чистым и ни в чем не виноватым», – как пел Шуфутинский.

– Так уверен в себе?

– Больше не в себе. А в своем месте в этом мире...

Вечером в камеру заехал новый пассажир, который тут же стал создавать проблемы. Толстый, килограмм ста пятидесяти живого веса, битюг был задержан за причинение ножевых ранений. Судя по вытатуированной на плече свастике, принадлежал он к фашикам и был отмо- роженным на всю голову. На вопросы отвечал хамски. И перво-наперво попытался вытурить с занимаемой самой лучшей койки тихого пожилого мошенника в особо крупных размерах Леву Гойтмана. Тот, человек вежливый и авторитетный, немножко обалдел от такого наезда. Естественно, за него по приказу Порфирия подписались Алабай и Дрын, попытавшиеся призвать фашика к порядку. И были размазаны о стенку – бугай снес их без особого труда.

Это был непорядок. Пришлось вмешаться.

Места для драки и маневра в камере не было, что для такой туши преимущество – наляжет массой, прижмет и раздавит. Но я не собирался устраивать рестлинг. Изловчившись, я вре- зал фашику пяткой между ног – без волшебного, разрекламированного в голливудских филь- мах убийственного эффекта, но удара хватило, чтобы противник на миг расслабился и потерял ориентацию. Тут я его достал боксерской двойкой, убедившись в очередной раз в истине – чем больше шкаф, тем громче падает. Этот шкаф рухнул массивно, как раненый слон. Правильно говорят боксеры – голова не бицепс, ее не накачаешь. Хорошо поставленный удар в челюсть выводит любого бугая из строя. А удар у меня поставлен очень хорошо.

Пока фашик приходил в себя, пытаюсь понять, какой кувалдой его приголубили, Алабай и Дрын навалились на него, скрутили.

– Ну все, сука, ща вешать тебя будем! – прошипел лысый. – На простыне!

Сказано было для острастки, но бугай поверил. И как-то тонко, но очень громко завере- щал:

– Помогите!

Сразу вспомнился фильм «Джентльмены удачи», когда Никола Питерский орал: «Хули- ганы зрения лишают».

Дальше все закрутилось. Заскочили охранники. Всех поставили к стенке, а кое-кого и уронили сгоряча. Но последствий от инцидента не последовало. Только отморозка увели в другую камеру. Судя по всему, этого фокусника тут знали хорошо.

На этом всё успокоилось. И время потекло тягостно медленно, как оно может течь только в замкнутом пространстве, где люди не озабочены работой или иным видом деятельности. Скука была смертная. Ее пытались побороть байками да постоянно включенным приемником. У меня же была книжка Сунь Цзы:

«Дурные качества и поступки человека зависят от него самого»...

После ужина мы снова разговорились с Кузьмой. Я видел, что он о чем-то напряженно думает, хотя внешне старался не проявлять озабоченности. Когда он затеял разговор со мной, я понял – все это не просто так. Мне вообще показалось, что он не из тех людей, что делают что-то просто так.

– Чак, выходит, ты в Кручегорске авторитет, – произнес он.

– Выходит, – согласился я.

– А что во внутренних войсках служил – не мешает? Для блатных это как красная тряпка.

– Да ладно сказки рассказывать. Эти средневековые предубеждения давно в прошлом. Сейчас время деловых людей. А у них главное, чтоб человек был хороший.

– И ты хороший?

– Ну, тот же Леша Боец именно так считает. И есть еще частное охранное предприятие «Преторианец». Тоже наши люди...

– О «Преторианце» даже я слышал, – задумчиво протянул Кузьма.

В Кручегорске этот ЧОП был овеян некоторым флером таинственности и внушал страх. К этой конторе имели притяжение и блатные, и менты, и чекисты, и просто денежные люди. «Преторианец» решал все вопросы. Эдакий провинциальный спрут, созданный для решения деликатных проблем. С его бойцами предпочитали не связываться. И крыша «Преторианца» считалась круче не только бандитской, но даже полицейской.

– А что, Кузьма, проблемы с местным бизнесом? – спросил я. – Крыша нужна?

– Да пока бог миловал.

– Если что, обращайся, по-свойски все решу. Как бывшему соратнику по оружию.

– Не нужна крыша... Тут вопрос более серьезный. – Кузьма перешел на шепот. – То, что говорю, умерло между нами.

– Если не доверяешь, не говори.

– У меня выхода нет... Понимаешь, я того чурку, которого мне в вину ставят, не убивал. Но разговор у меня с ним был... Слышал о Бешеном Мариде?

– Банда Марида?.. Это который в горной части Ичкерии злобствовал?

– Он самый... Я наткнулся на его бойца.

– Прямо так сразу и наткнулся? И узнал его через пятнадцать лет?

– Не сразу. И не просто так... Долго объяснять... В общем, искал я их.

– И что?

– И нашел. Но не убивал его.

– Да хотя б и убил – не страшно, – махнул я рукой. – Дальше-то что?

– Если мы выйдем отсюда... В общем, у меня к тебе будет серьезный разговор. И предложение.

– Я точно выйду, – заверил я. – А если тебя выпустят, то запоминай номер моей мобилы...

На свободу я вышел на следующий день. Перед этим тепло распрощался с моими временными попутчиками. Пожал всем руки, в том числе Порфирию и Алабаю. Мало кто знал, что эти двое были спаренными агентами, задача которых была подвести под меня Кузьму для установления доверительного контакта. С чем они отлично справились.

Кузьме обвинения не предъявлялись. По истечении пяти суток задержания следователь отобрал у него расписку с обещанием уведомлять о выезде за пределы города. И бывший пехотинец тоже вышел на свободу.

Через час после этого мне сообщили, что он исчез из-под колпака наружки и свой старенький мобильный телефон «Нокиа», возвращенный ему в числе прочих вещей, не включает.

Как говорила Алиса в Стране чудес: все чудесатее и чудесатее.

И за каким хреном майор ФСБ – если кто не понял – это я – на нарах три дня баланду жрал?

И чего это Кузьма так резво сорвался?

История становилась все интереснее, и я уже перестал жалеть о бесполезно потраченном времени...

Глава 5

Станислав Лобарь выбрал это глухое место специально. За границей большого поселка, вдали от чужих глаз и ушей, когда никто не пялится через забор и не дает ненужных советов, он чувствовал себя превосходно.

Он вообще всегда был единоличником. Грузный, массивный, внешне походил на бурого медведя, прочно обосновавшегося в надежной берлоге. Ему в жизни нужны были только его жена и дети. Он сильно раз-очаровался в человечестве еще полтора десятка лет назад в тех стылых, бездушных горах, где человеческая жизнь стоила дешевле патрона – цена ее равнялась взмаху отточенного десантного ножа.

Он тогда кристально четко осознал, что не любит людей и хочет держаться от них подальше. Вот и поселился на окраине Раздыховки. Благо деньги, доставшиеся ему по случаю и совершенно непредвиденно, позволили ему обустроиться здесь со всеми удобствами.

С самого начала он понимал, что с сельским хозяйством у него не заладится – не его это дело, в земле копаться и урожаю помидоров радоваться. Зато механизмы он знал и чувствовал просто отменно. Поэтому приобрел бывшую совхозную техническую станцию с оборудованием и теперь имел небольшой бизнес по приведению в порядок изношенной сельхозтехники, автотранспорта и другого железа. И искренне считал, что нашел свой спокойный остров.

Теперь отдаленность жилья от людей работала против него. Кричи не кричи – никто не прибежит. И он с Ольгой в полной власти этих троих душманов.

Как-то просто и незатейливо они его повязали. Подкатали к огороженной сетчатым забором территории на большом черном джипе с тонированными стеклами. Из салона вышла сухощавая поджарая ведьма в джинсовом костюме, брюки на ее коленях были обтрепаны по моде, с дырками. На вид ей было лет тридцать пять. Она походила чем-то на некрасивую, но породистую борзую собаку, и сходство это усилилось, когда она втянула носом воздух, будто принюхиваясь. Махнув рукой Лобарю, колотящему молотком по корпусу выкрашенной в болотный зеленый цвет сеялки, она подозвала его и попросила посмотреть машину – мол, что-то с подвеской неладно, страшно дальше по колдобинам ехать.

– Поглядим, – кивнул Лобарь и открыл ворота, приглашая нежданных гостей на территорию.

А потом из салона вылезли двое душманов. Один из них, гигант, похожий на снежного человека, незатейливо ткнул ему в ребра стволом укороченного автомата Калашникова и уложил на землю, сцепил запястья наручниками.

«Снежный человек» остался стеречь хозяина имения. «Ведьма» и высокий, похожий по повадкам и движениям на танцора балета смуглый парень лет двадцати пяти прошли в просторный бревенчатый дом.

Лобарь, уткнувшись лицом во влажную после утреннего дождя землю, тяжело дышал. У него заныло сердце и заломило виски. Но он нашел в себе силы мысленно возблагодарить господу за то, что двоих сыновей отправил к бабушке в Пермский край. И в то же время проклял себя, что не отослал туда же Ольгу.

«Ведьма» вернулась во двор. Лобарю приказали подниматься и следовать в дом. Там, в просторной столовой комнате, его усадили на пол напротив закованной в наручники жены, прислонив спиной к бревенчатой стене.

– Денег много с меня не возьмете, – зло произнес Лобарь. – В гардеробе между ящиков справа – около тысячи долларов и пара десятков тысяч рублей.

– И все? – усмехнулась «ведьма», наклоняясь над ним и глядя на него холодными пустыми глазами.

Лобарь, чертыхнувшись про себя, выдал:

– На кухне в шкафу ключ от сейфа. Сейф за ковром в спальне.

– Уже лучше, – кивнула «ведьма» и отрывисто велела «танцору»: – Проверь.

Тот вскоре нашел и ключ, и сейф. И вытряхнул его содержимое – пять тысяч евро и сто тысяч рублей, а также немного золотых драгоценностей.

– Больше ничего не найдете, – заверил Лобарь, который молился о том, чтобы это были обычные разбойники. – Мокруху на душу не берите. Отвечать ведь придется по всей строгости. А так я вас даже искать не буду. Разойдемся с миром.

– Так уж и ничего не найдем? – недобро улыбнулась «ведьма».

– Ничего.

– А помнишь Аташ-Юрт?

Внутри у Лобаря все оборвалось. Если раньше он надеялся, что все обойдется лишь материальными потерями – деньги никогда не значили для него слишком много, то теперь эти надежды разлетелись в прах.

– Это было давно, – произнес он, тщетно пытаясь, чтобы голос предательски не дрожал и не выдавал его чувств. – Больше полутора десятков лет. Я там воевал, и ничем он мне не запомнился.

– Так уж и не запомнился? – «Ведьма» остановилась над Ольгой, изучающе посмотрев на нее.

Рот Ольги был заклеен скотчем. Она удивленно таращила глаза, но особого страха в них не было. Женщина была уверена, что все обойдется. Муж сильный, уверенный, он всегда служил надежной, железобетонной опорой в жизни. Он спасет. А у Станислава Лобаря сердце разрывалось, потому что он ощущал свою полную беспомощность.

– Забавно. – «Ведьма» нагнулась и провела ладонью по пышным черным волосам Ольги. Та дернулась и ударилась затылком о стену.

– Воевал я там, – затараторил Лобарь, стремясь отвлечь внимание от жены. – Там много кто воевал.

– И осталось много кровников, – кивнула «ведьма».

– Ну так вырежьте весь военный контингент на Кавказе. – Лобарь нервно хохотнул. – Что, слабо?

– Придет время – вырежем. Но тут все проще. Вы там много что взяли, что вам не принадлежит.

– Кто мы? И что взяли?

– Лейтенант Полунин. Сержант Корниенко... Продолжить?

Лобарь совсем сник, отведя глаза от «ведьмы». Это дьявольское отродье пришло из того мира, о котором он мечтал забыть навсегда. И бывшего вояку точно не оставят живым. Все кончено...

– Тебе привет от Марида, – процедила «ведьма». – Он всегда возвращает свое.

– Того, что мы взяли, давно нет.

– А я вот не уверена. Грязный пес, ты отдаешь нам не принадлежащие тебе вещи, и мы уходим. И живи. Все равно недолго вам всем осталось.

– Нет у меня ничего! – крикнул в отчаянии Лобарь.

– Тогда будем пытаться, – плотоядно улыбнулась «ведьма». – Сначала ей ногти выдернем, потом пальчикиотрежем. Это долго. Достаточно долго, чтобы восстановилась твоя дырявая память. И когда она подохнет – возьмемся за тебя...

– Я правда ничего не видел!

– Ну, как скажешь. – «Ведьма» зевнула, засунула руки в карманы своей джинсовой куртки и кивнула «танцору»: – Приступай.

«Танцор» вытащил из кармана нож-раскладушку. И со сладострастным видом потянулся к Ольге.

На миг все взоры обратились к несчастной женщине...

Этому трюку Лобаря научил старшина роты. Пришлось долго тренироваться, но он пона-торел так деформировать кисть руки, что мог освобождаться от наручников, и вообще от любых оков.

Не к месту какой-то объемной голографической картиной вспыхнули в сознании воспо-минания о двух годах армейской службы. Он многому тогда научился. И от многого освобо-дился – от брезгливости, от страха крови. Да и вообще избавился тогда от большинства своих страхов. Время было такое. Молодые, полные задора ребята в тельняшках из его родной гвар-дейской десантно-штурмовой бригады вели себя, как будто смерть не про них. Да что с ней, с костлявой, считаться? Даже если и подстережет она тебя с фугасом или снайперкой, то будешь жить вечно в доброй памяти боевых друзей. И оставить о себе добрую память считалось важ-нее, чем выжить. Да и не верил сержант Лобарь по молодости в свою смерть. Она и обошла его стороной, чтобы вернуться тогда, когда он стал относиться к ней гораздо серьезнее, да еще и заявить свои права на жену – самого дорого ему человека... Нет, этому не бывать! У него есть только один шанс. Но кто сказал, что один шанс – это мало?

Лобарь освободил руку от браслета и начал действовать.

Он зацепил своей ногой ногу стоящего рядом «снежного человека», а другой толкнул в живот. В результате громила с грохотом рухнул на пол и со страшным стуком ударился затыл-ком о выступающую тяжелую резную ножку стола, от чего потерял сознание. Его автомат отле-тел в сторону.

А Лобарь уже двигался стремительно вперед, ощущая, как ледяное дыхание смерти про-буждает в нем бывшие навыки. Вот только, черт, где его двадцать лет? Где мускулистое, без намека на лишний жир, тело? Где бывшая стремительность? Быстрее надо!

Он прыгнул вперед, перекатился, схватил оброненный автомат. Ощутил сладостную энергию так хорошо знакомого оружейного металла. Двинул флажок вниз, приподнялся. Только бы затвор был взведен.

Автоматная очередь хлестнула по оторопевшим незванным гостям.

«Танцора» срезало сразу. Он упал с двумя пулями в груди. «Ведьма» же неожиданно резво бросилась вниз, распласталась на полу рядом с Ольгой.

Лобарь мог достать ее следующей очередью, но Ольгу точно бы задело. Но все равно он ссадит «ведьму». Для этого ему нужно только подняться на ноги.

Он попытался вскочить.

И получил пулю из пистолета в грудь...

Следующая пуля вошла Лобарю в шею, оборвав его земной круг.

У «ведьмы» в кармане джинсовки покоился до поры до времени небольшой «вальтер». С самого начала она ни на секунду не выпускала его теплой рукоятки, предпочитая перестра-ховываться. Эта смертоносная малокалиберная игрушка спасла ей жизнь.

«Ведьма» встала. Бешено оглядела воцарившийся погром. Как-то по-собачьи взвыла. Пнула ногой съевшуюся Ольгу, взвизгнув истерично:

– Так вы, да?.. Так?!

И выстрелила в хозяйку дома два раза.

Тело женщины дернулось и замерло. Но «ведьма» снова подскочила к ней и стала бить безжизненное тело ногами, визжа:

– Так, да... Вот тебе, сука!

Потом присела на корточки рядом с телом хозяйки дома. Прислонилась к стене. Отды-шалась. Трясучка прошла, и разум вернулся к ней.

Послышалось мычание. «Снежный человек» встал, держась за череп.

– Чем это он меня? – озадаченно осведомился он.

– Ты просто тупой идиот, Лекарь, – хрипло произнесла «ведьма». – Ты мне должен. Я тебе спасла жизнь.

– Женщина, я должен что-то лишь Аллаху.

– Ты много кому должен...

– Ибрагим... – Лекарь посмотрел на мертвого «танцора».

– Ему сейчас не до нас. Он уже на небесах, – равнодушно произнесла «ведьма».

– Что нам делать, Кобра?

– Обыскать дом. Но я уверена – ничего не найдем.

– Почему?

– Потому что я не ошибаюсь! У этого животного нет тут ничего. Он бы не стал упираться.

Так что осматриваем для очистки совести все быстренько. И уходим. У нас еще много дел.

Действительно, список дел у них был длинный.

Глава 6

В России полно спецслужб, полицейских подразделений, отделов, подотделов, спецназов, занимающихся борьбой с терроризмом. Обыски, захваты, громкие уголовные дела – все это есть в наличии. Они борются с мировым злом с разной степенью эффективности – задерживают, отдают под суд, уничтожают боевиков. Не жалеют ни сил, ни времени, ни здоровья, а порой и жизни, чтобы однажды обрушить на выродков всю тяжесть закона.

Но бывают случаи, когда закон бессилён. Когда приходится забывать о гуманных достижениях современной цивилизации, о судах присяжных и презумпции невиновности, об адвокатах и прокурорах. Когда вступает в силу древняя модель – кто кого. Кто победит в битве, тот и завоюет право на жизнь. Потому что борьба идет на уничтожение. Именно тогда появляются на сцене оперативные сотрудники и агенты Управления «НК» – нелегальной контрразведки. Тот самый клин, которым выбивают клинья. Тот самый страх, который преследует любого, самого отпетого негодяя: «а что, если и с нами поступят так же, как поступаем мы». Так уж повелось, что лучше всего террор побеждают террором. И тогда не остается места Уголовно-процессуальному кодексу, судам и прокурорам. Остается только жестокая целесообразность – уничтожить, покарать, предотвратить и пресечь. Любой ценой.

Я, Сергей Гончаренко, бывший офицер спецназа ВДВ, бывший дезертир и бандит, ныне майор управления «НК» ФСБ России – и есть тот самый безжалостный меч, орудие возмездия, скальпель, отсекающий больные органы.

Возможно, обыватель, если ему рассказать и показать, чем мне приходилось заниматься в этой жизни, грохнется в обморок, да так из него и не выйдет. А если и выйдет, то увидит во мне воплощенное зло. Потому что мне пришлось делать очень много такого, что приводит в ужас, а порой и вызывает омерзение. Только есть одно «но».

Как поется в одной очень точной песне:

Я привык говорить осторожно,
Но поверьте уж на слово мне.
Ваша жизнь без меня невозможна
В нашей славной, веселой стране...

Да, невозможна. Без меня и моего глубоко законспирированного подразделения, которое называется «Группа «Перевертыши» и подчиняется непосредственно руководителю «НК» генерал-лейтенанту Ломакину.

Памятная беседа с генералом в теплый майский вечер дала отсчет цепи событий, приведших меня из Москвы в ставший давно родным миллионный город на юге России Кручегорск, который неоднократно в последнее время появлялся в поле оперативных интересов «Перевертышей». За последние два года мы там вычистили два куста боевиков и еще много чего наделали.

С Ломакиным тогда встретился я в офисе заштатной коммерческой конторки на юго-западе Москвы. Раньше там был небольшой одноэтажный продовольственный магазин, снабжавший продуктами жителей окрестных девятиэтажек. Магазин обанкротился с приходом новых экономических отношений, и кто-то додумался сделать в нем офис, впоследствии переживший из рук в руки и в конце концов ставший приютом одной из фирмочек, служивших прикрытием для деятельности Управления «НК».

Мы расположились в полуподвальном помещении офиса, являвшемся комнатой для переговоров, оснащенной самой передовой защитной системой «Полог-СКТ» – она делала совершенно невозможным как прослушивание, так и запись разговоров.

Есть такая народная примета: все встречи с руководителем Управления «НК» – к большому переполоху и крови. Генерал не имеет привычки по мелочам дергать своих сотрудников, находящихся на нелегальном положении, и впустую полоскать им мозги речами о трудностях текущего момента. У него всегда все предельно конкретно, жестко и понятно – куда идти, кого давить и стрелять. Именно на таких встречах подписываются приговоры и решаются судьбы – окончательно, без обжалования.

Вот и тогда я понимал, что мои два месяца безделья закончились. И трубят полковая труба «Подъем, враг у ворот».

У нас сложились некоторые ритуалы встреч – мы пьем кофе, который отлично умеет заваривать генерал, или коньяк. Осведомляемся о здоровье друг друга. Иногда Ломакин выдает что-то из своих бесконечных философских сентенций – он эстет, философ и по сути своей просветитель, верящий в победу человеческого разума. И инквизитор – куда без этого, положение обязывает. И он весь лучится энергией, отличающей великих организаторов – тех, кто титаническим напряжением своей воли всегда двигал вперед человечество, строил города, плотины, ядерные станции, выводил людей в космос, выигрывал безнадежные битвы. Такой фанатичной харизмой и беспредельной преданностью своему делу обладали, наверное, Королев и Курча-тов. Только энергия генерала направлена не на созидание и даже не на разрушение. А на то, чтобы не дать разрушить то, что уже построено.

– Ты знаешь, что такое грязная бомба? – отставив чашку кофе, спросил Ломакин.

– Оружие массового поражения, поражающим фактором которого являются радиоизотопы, – произнес я четко, как на экзамене.

– Четыре месяца назад Вечный Халифат решил предпринять ядерную атаку с помощью грязной бомбы на один из крупных промышленных городов нашей страны. Мы получили эту информацию, но обнаружить терроргруппу, протаскившую это сокровище на территорию России, нам не удалось. Между тем недавно эта шайка была уничтожена. Счастливая случайность, ничего более – один из боевиков был опознан на улице офицером, участвовавшим во второй Ичкерской кампании. При задержании погибли все боевики. Найти бомбу не удалось.

– Ничего себе ракурс, – покачал я головой, переваривая огорчающее известие. – Насколько я знаю, грязную бомбу нужно обслуживать, потому что процесс распада изотопов там идет непрерывно. И без присмотра однажды она перегреется и рванет.

– Так какая-то новая технология. Бомба спокойно может пролежать несколько месяцев. Да и если сработает где-нибудь в хранилище, последствия нейтрализовать нетрудно. Но если ее взорвут в городе... Спаси нас бог от этого.

– Где была уничтожена группа?

– В Кручегорске.

– И я об этом ничего не знаю!

– По терроргруппе работали другие люди.

– В моей зоне ответственности!

– Сергей, так было надо.

– Ладно, проехали, – кивнул я. – Значит, сегодня грязная бомба дожидается своего часа. Не удивлюсь, если Халифат направил вторую группу с тем же заданием и она готовит подрыв.

– Так и есть. Новая группа направлена. Но и мы не сидели сложа руки. Мы предъявили кураторам Халифата ультиматум. Объявили, что ответ будет асимметричным.

– Каким?

– Обещали уничтожить заказчиков теракта и членов их семей, от мала до велика. Всех.

– Они поверили?

– Поверили. И правильно сделали. Мы готовы исполнить угрозу в полном объеме.

– И что, они прекратили операцию?

– Заверили, что да.

– И что при таком непротивлении сторон требуется от меня?

– Найти бомбу, – устало произнес генерал.

– Пусть сами заказчики и сдадут ее.

– Они согласны. Но их боевики вышли из повиновения.

– Как это?

– Не выходят на связь.

– Может, уничтожены?

– Нет... Они здесь. И могут ударить в любой момент. Такова общая диспозиция.

Я человек невпечатлительный, но от сообщения о грязной бомбе мне, мягко говоря, стало не по себе. И солнце как-то поблекло и уже не радовало душу. Ох как не хотелось верить во все это. Но поверить придется...

– Слушай боевую задачу, – поднял на меня глаза Ломакин. – Главное – найти бомбу. Второе – захватить или уничтожить боевиков. И закрыть проблему.

– Закроем. Лишь бы успеть.

– Это я тебе расписал общую картину. Но есть нюансы.

– Которые перевернут все с ног на голову, – кивнул я, зная, что начальник подразумевает под нюансами – обстоятельства, которые осложняют задачу многократно, а то и переводят ее в разряд неизбежной катастрофы, которую можно предотвратить только чудом. И чудотворцы его – это мы, «перевертыши».

– Наши восточные противники при всей их зло-вредности напоминают детей, играющих в опасные игрушки, – сказал Ломакин. – И иногда в этих играх мудрят так, что запутывают не только нас, но и себя. Тут как раз такой вариант.

– Интересно, и как они раскинули карты?

– Смотри, как развивались события. Некто, назовем Перевозчик, со своими людьми обеспечивает доставку и место хранения бомбы. За ее боевое применение отвечает некто другой, пусть будет Исполнитель, глубоко инкорпорировавшийся в наше общество, знающий здесь все, поднатеревший в терактах и обладающий потрясающим чутьем на выбор целей. Грязная бомба не просто должна взорваться. Она должна взорваться с наибольшим ущербом – как военным, так и психологическим... Исполнитель встречается с Перевозчиком с целью получить от последнего координаты места нахождения изделия. И тут вклинивается случайность – Перевозчик гибнет от рук патрульных в Кручегорске. А с ним все, кто знал место нахождения бомбы.

– И что?

– И все.

– Получается, что бомба лежит неизвестно где и ни у кого к ней нет доступа? Даже у этого Исполнителя?

– А вот тут и начинается излюбленная восточная путаница. Перевозчик заблаговременно прилепил на контейнер хитрое устройство. Маячок, который активизируется при получении сигнала. Сигнал должно послать некое устройство через сеть мобильной связи. После этого идет ответный сигнал, и вычислить пеленгатором объект не составляет никакого труда.

– Значит, бомба сейчас у Исполнителя?

– Будешь смеяться, мой друг, но и тут наши арабские друзья перемудрили по полной программе. Устройство заработает только при активизации при помощи специального микро-чипа. Которого у Перевозчика не было.

– А где этот хваленый чип?

– У хозяев, за границей.

– Вот же идиоты!

– Наверное, они считали, что таким образом надежно подстраховались от внешних и внутренних врагов...

- Нет предела человеческой тупости.
- И изобретательности... На встречу к Исполнителю направляется группа из пятерых опытных боевиков, руководит ею, скажем, Дублер. У него есть чип. Они должны встретиться. Активизировать устройство.
- И бомба тогда у них.
- Точно, – кивнул Ломакин. – А дальше начинается настоящее кино. Дублер гибнет при невыясненных обстоятельствах. А Исполнитель, получив приказ сворачивать лавочку, передать координаты бомбы и ложиться на дно, объявляет, что сам способен завершить свой джихад.
- Что-то многовато совпадений. Кто убил Дублера? Так в жизни бывает?
- Бывает все. Может, и Исполнитель приложил руку. А может, действительно случайность.
- Тогда бог играет за нас, – произнес я без тени иронии.
- Вот в это я верю, – кивнул Ломакин. – Что всевышний дает нам шанс...
- Почему наши временные арабские партнеры просто не передадут нам второй пеленгатор?
- А потому что он бесполезен. Кодировал доступ к бомбе Перевозчик. И хозяева этой банды просто не знают кода доступа. И перебор цифр не поможет – при третьей неудачной попытке пеленгатор просто перестает отвечать.
- Не, ну всякие страшилки слышал, но чтобы так все заморочено было... – со смесью озадаченности и восхищения произнес я.
- Я предупреждал.
- Итак, у нас терроргруппа, вышедшая из-под контроля. Грязная бомба. И перспектива удара. Есть еще чем удивить?
- Уж не сомневайся. Сюрпризов у меня хватает... Исполнитель, который сейчас держит руку на ядерной кнопке, не кто иной, как Марид.
- Бешеный Марид? – изумился я.
- Он самый. А Дублер – это Вакиль, его правая рука еще по войне в Ичкерии.
- Вакиль? Покровитель?
- Он самый.
- Фильм-ужастик был – «Иногда они возвращаются».
- Они никуда и не уходили.
- Бешеный Марид – один из самых таинственных и жестоких террористов на планете. Фанатик беспощадного джихада до последнего неверного. Лучше исполнителя для такой грязной работы не найти.
- Марид. Ничего у нас на него нет, – посетовал я. – Может, его хозяева помогут? Пусть передадут поисковую информацию на него. Или они так далеко не пойдут на сотрудничество?
- Пойдут. Только они ничего не знают. Единственной связью с ним был Вакиль. Но тот, связанный клятвой, ничего не говорил о нем даже хозяевам.
- О, господи. Тысяча первая сказка Шахерезады... Какие еще сюрпризы остались?
- Да немного, – успокоил генерал. – В Кручегорском ИВС сидит один субъект, который подозревается в убийстве Вакиля.
- И что за добрый человек его кончил?
- Кузьма Долгоносов. Живет в Волгограде. Имеет какой-то бизнес. В общем, стандартный обыватель. Но есть интересное обстоятельство – он проходил срочную службу на Кавказе во Вторую Ичкерскую кампанию.
- Все интереснее... Выпускать его нельзя, – сказал я. – Как действуем?
- Ты назначаешься вторым координатором операции «Фукусима».
- Первый – вы.

– Я. Вылетаешь через три часа в Кручегорск. Посидишь с этим Кузей в камере, познакомишься. Установишь психологический контакт. Отработаешь его на связь с террористами. В средствах не стесняйся, слишком много стоит на кону... В камере тебе помогут двое наших агентов-камерников, они в Кручегорске отработали по одному фигуранту, так что очень удачно закрепились в изоляторе. Тебе в помощь придается техническая группа. Своих людей задействуешь в полном объеме. Если нужна помощь – любые ресурсы в твоём распоряжении. Без ограничений. Ясно?

– Яснее ясного.

Ломакин вытащил из стола папку с авиабилетами и необходимыми бумагами. Пододвинул ко мне ноутбук, где имелаась информация по операции «Фукусима».

– Тебе час на знакомство, – сказал он. – Потом вылетаешь...

Внедренческая легенда у меня была железная. Мне в один из приездов в Кручегорск пришлось поставить на место тамошнюю уголовную шушеру. И теперь это явилось основанием для моего задержания – якобы кавказские бандиты признаны потерпевшими от моего произвола. Так что в ИВС мне надлежало заехать на железобетонных основаниях.

Что я вскоре и сделал. Ну а дальше получилось как получилось. Познакомился с фигурантом. Дал согласие на то, чтобы выпустить его из камеры. В результате он сделал ноги. А я ощущал себя полным идиотом. Ведь можно было бы избрать Долгоносову меру пресечения в виде заключения под стражу. Можно было на выходе из тюрьмы взять его под белые ручки и отвезти в укромное место, где выбить все, что он знает и не знает, – методика отработанная, мало кто мог ей противостоять. А я его отпустил. Сам! А дураком ощущать себя очень неприятно!

Я предавался терзаниям и воспоминаниям на съемной двухкомнатной квартире в блочной девятиэтажке спального района на окраине Кручегорска. При выездах в хорошо знакомые города я никогда не останавливался в одном месте, ибо бережного бог бережет. Вот и сейчас подобрал жилище на последнем этаже, исходя больше из соображений безопасности. Здесь была пожарная лестница, чердак над головой, внизу – переплетения дворов, гаражи, промзона и даже конечная станция метро в километре от меня. Все идеально подходит на случай, если придется пробиваться с боем и уходить огородами. И еще здесь достаточно многолюдно, чтобы на тебя никто не обращал внимания.

Откинувшись в кресле, я попытался смотреть телевизор. Там шла программа новостей. Сами новости с каждым годом все больше походили на фильм-катастрофу. Восстание арабских беженцев в лагерях на юге Германии. Партия педофилов заняла третье место на выборах в Норвегии. Презентация нового сезона красочных казней от Вечного Халифата. Запрет на крещение детей в Дании. Петиция мирового музейного сообщества об уничтожении воинами джихада уникальных культурных ценностей. Такая вот милая хроника одичания.

Раздался резкий, дребезжащий звонок, который невозможно не услышать, – я такие люблю. Взяв со стола мобильный телефон, я отметил, что номер не определился. Интересно, кто такой весь таинственный хочет со мной беседу вести?

– Весь внимание, – произнес я ровно, пытаясь придать своему голосу барственные интонации.

– Чак, ты? – послышалось в трубке.

– Он самый.

– Это Кузьма. Помнишь, на нарах рядом лежали?

– Как же такое забудешь.

– Разговор есть. Как насчет встречи?

– Серьезный хоть разговор? – спросил я с интересом.

– Взаимовыгодный, – заверил меня Кузьма.

– Ну, тогда давай.

– К Вечному огню подъезжай. Со стороны гостиницы «Днестр» часа через три. Годится?

– Давай на час попозже. Пока соберусь. У меня еще встречи, – дал я понять, что, конечно, видеть его рад, но не настолько, чтобы бежать вприпрыжку, забывая о других делах. Интересно, чем он ответит?

Кузьма покладисто произнес:

– Хозяин барин. Там же в восемнадцать десять.

– Ну, до встречи, сокамерник.

– До встречи...

Глава 7

Смертельная схватка, удар по голове, потеря товарища, труп которого теперь лежит в багажнике, – все это выбило «снежного человека» из колеи. Он растерял свою былую невозмутимость и время от времени едва слышно шептал под нос страшные проклятия, обращенные неизвестно к кому. Кобре не нравилась его реакция. Опытные воины не должны вести себя так. Ведь ничего особенного не произошло. Один эпизод бесконечной битвы. И машину он вел как-то нервозно, в результате она попросила его из-за руля и повела тяжелый джип сама, продемонстрировав, что и в вождении машины она на высоте. Она много в чем на высоте. А в некоторых вопросах ее высота недостижима – она отлично знала это и не то чтобы гордилась, гордыня – это грех. Просто она всю жизнь стремилась к совершенству. Во всем.

«А ведь Лекарь уже стар, – подумала она. – Старость – это неизбежность. Но для некоторых непозволительная роскошь...»

Лекарь кинул в багажник машины саперную лопатку и вытер пот. Произнес, кивнув на холмик свежeverытой импровизированной могилы:

– Неправильно все-таки это.

– Что? – спросила Кобра, подставляя солнечным лучам, играющим в кронах деревьев, свое осунувшееся худое лицо.

– Мы хороним нашего брата не по мусульманским обычаям. Без должного почтения. В лесу, как какую-то собаку.

– А как хоронят павших на поле боя, когда война продолжается?

– Но войны нет сейчас, – возразил Лекарь.

– Есть. А Ибрагим сейчас в раю. Конечно, если он существует, – усмехнулась Кобра.

– Ты не веришь в рай? – нахмурился Лекарь.

– Я не знаю ничего наверняка.

– Ты не веришь, – уже утвердительно произнес он.

– Лекарь, что ты такой бледный?

– Душно. – Лекарь вытер рукавом вспотевший лоб.

– И страшно? – скривилась она.

– Кто ты такая, женщина, чтобы обвинять меня в страхе? – Его глаза налились кровью, и он сделал шаг к ней, сжав огромный кулак. – Ты еще говорить не умела, когда я гяурские бронетранспортеры жег и шакалам головы резал! Я один выходил против десятых, и они бежали, потому что видели, что я не боюсь ничего! Руками их рвал! Горло выгрызал!

Она с некоторым интересом посмотрела на него, ничуть не испугавшись его эмоционального взрыва. Для нее не было секретом, что давно, еще на тех войнах, во времена которых она была совсем маленькой, а народ в горах уже бился за свои идеи, он показал себя свирепым, фанатичным воином Аллаха. Не было и в последнее время оснований сомневаться в его преданности. Но он терял форму. Все больше и больше. Время играло против него, посылая мяч за мячом в его ворота.

– Я моджахед, у меня священная война. – Лекарь сдал назад и разжал кулаки, однако было видно, что говорит он это не столько искренне, сколько по привычке. – А ты? Что сделала ты кроме того, что околдовала Марида?

– А этого недостаточно? – загадочно улыбнулась Кобра.

– Дочь шайтана!

– Зато, Лекарь, я не боюсь. И меня не держит на этой земле ничего. И я выполню свой долг – убью, умру, испепелю себя на костре.

– Хочется верить, – буркнул он.

Как она и ожидала, он переборол свою ярость и снова был послушен. Потому что он робот. Он запрограммирован Марином на рабскую покорность. В его программу забито не трогать Кобру и при необходимости пожертвовать ради нее своей жизнью. И его программы пока что ни разу не давали сбой.

– Верь, – кивнула она. – Что тебе еще остается?..

Лекарь сел в машину – снова на водительское сиденье. Его огромная фигура будто сдулась. И Кобра, глядя на него, еще больше укрепилась в мысли, что по его непробиваемой броне идут трещины. А прорыв плотины всегда начинается с самой маленькой трещины.

– Садись. Поехали, – буркнул Лекарь.

Кобра заметила и стряхнула с плеча отливающего металлом жука. Поймала его, подержала в ладони и со вкусом раздавила. Это действие доставило ей удовольствие. Люди ведь точно такие же насекомые. Точно так же в них тлеет искорка жизни. И нет ничего зазорного в том, чтобы для высших целей раздавить плоть и выпустить дух на свободу. На адские муки. Это насекомое может получить право порхать в раю. Неверные же животные в человеческом обличье, в большинстве своем населяющие эту страну, имеют право только на ад. Куда она им и откроет широкую дорогу. Такой автобан, по которому устремятся тысячи и тысячи гяуров.

– Поехали. – Она уселась на заднее сиденье и с размаху хлопнула дверцей. – У нас еще длинный список адресов, где нам не рады.

– Да. Вот только пока ничего не нашли.

– Найдем. Обрадуем Марина. Попутно передадим еще нескольких двуногих насекомых.

– Они не насекомые, а заблудшие люди, не видевшие милости Аллаха. Смерть будет им только на пользу, – выдал Лекарь сентенцию, нажимая на газ.

– Вот и я о том, – усмехнулась Кобра. – От смерти одна польза...

Глава 8

Я нажал на кнопку СКУ-29 – специального коммуникаторного устройства мобильной связи, внешне являвшегося копией смартфона «Самсунг гэлэкси». Это плод сумрачного гения спецслужбистских инженеров. В нем имеется масса высокотехнологических наворотов, позволяющих поддерживать контакты с избранным кругом владельцев аналогичных устройств, при этом полностью исключая какой-либо контроль и прослушивание. Пользовался я им для связи с руководством Управления, а также с моими подчиненными.

– Жора, ты там кемаришь? – спросил я, услышав в трубке заспанный голос Комбинатора.

– Как же, покемаришь тут, – недовольно пробурчал он. – Всю ночь вкалывал, как папа Карло.

– Я, конечно, впечатлен твоим трудолюбием, но осмелюсь на нескромный вопрос – а результат?

– Ты чего, издеваешься? – возмутился Комбинатор. – Я тут ночи напролет сижу, не разгибаясь, искривление позвоночника заработал. Неужели думаешь, что если бы нашупал хоть что-то, то не сообщил бы в тот же миг?

– Совсем ничего?

– Да нет, до хрена всего. Только ничего поисково-ценного.

– Жора, кроме как на твою светлую голову, у меня сейчас надежд ни на что нет. Дай хоть какую-то зацепку.

– Босс, все будет путем, и мы пинком сдвинем этот жалкий Эверест... Пока сбросил тебе обзорную информацию.

Я посмотрел на коммуникатор – действительно, по кодированному каналу пришел пакет материалов.

Георгий Ремизов – это мой аналитик, светлейшая компьютерная голова. Я его, можно сказать, на помойке подобрал четыре года назад – вытащил из очень дурной истории и отбил от лихих ребят, решивших посчитаться за мнимые обиды. Когда мы легализовались как штатная группа «НК», ему в нашей конторе умудрились присвоить офицерское звание. А теперь он уже старший лейтенант с допуском высшего уровня ко всем основным базам правоохранительной системы и ФСБ России. Я не знал ни одного человека, который так умел бы просеивать информацию. И дело не в том, что он обладал отличной памятью. Было еще кое-что – интуиция. Из всех тропинок он всегда выбирал ту, которая ведет в кабак, а не к обрыву или в канализацию. Кроме того, обладая бурной фантазией, он пару раз предложил настолько хитрые и эффективные оперативные комбинации, что по праву заслужил псевдоним Великого Комбинатора.

– Жора, звони мне в любое время дня и ночи, если наткнешься хоть на что-то маломальски интересное, – напутствовал я его. – У меня пока голяк, цепляться не за что, а время уходит. И кризис возможен в любую минуту.

– Да что ты меня агитируешь, босс? Я уже сагитированный давным-давно.

– Ну, тогда бывай. – Я дал отбой, оставив Комбинатора наедине с собой в насыщенном электроникой подвальном помещении базы «НК» на окраине российской столицы.

Расположившись поудобнее в кресле, я начал просматривать на экране коммуникатора один за другим блоки поступившей информации.

Итак, что у нас тут есть? Вышедший из-под контроля командир группы террора по кличке Бешеный Марид. В арабской мифологии Марид – это бесплотный дух, который может нести как добро, так и зло. Этот человек делал все, чтобы оправдать свою кличку, – он был неуловим. Одна из самых таинственных и непонятных фигур бандподполья.

Впервые заявил он о себе во весь голос более пятнадцати лет назад, во Вторую Ичкерскую войну, создав небольшой сплоченный отряд фанатиков, беззаветно преданных командиру и

лишенных даже какого-то намека на жалость и к своим, и к чужим. Он действительно был неким бесплотным духом, носившимся над землей и в бешенстве своем сеявшим разрушения. Его опасались даже авторитетные полевые командиры.

За плечами любого боевика есть биография, родственники, родные места. Марид был как пришелец из другого мира. Он возник откуда-то из фундаменталистских сект Средней Азии. И был лишен привязанностей, связей, через которые можно было на него давить. Он был совершенно свободен.

Итак, что на него есть? Длинный перечень терактов и боевых вылазок во Вторую Чеченскую. После нее он возникал раз в два-три года, чтобы устроить небольшой Армагеддон в отдельно взятой местности, после чего прятался обратно в свою неведомую нору. Кровавые следы его остались в России, Средней Азии, по неподтвержденным данным, во Франции и еще паре европейских стран. Под его товарной маркой, возможно, работали и другие террористы. Но в целом можно с определенной долей уверенности отнести на его счет восемь терактов за последние пятнадцать лет, щедро спонсированных фундаменталистскими арабскими организациями, сеющими зерна джихада по всему миру. Это то, что мы знаем.

А что не знаем? Тут список длиннее. Возраст, национальность, происхождение, связи – ничего не известно. Даже внешность его никто конкретно описать не может. Тут вообще наблюдается какая-то мистика. Из того, кто лично общался с ним, не осталось в живых никого. Полевые командиры, связные и прочие деятели Второй Чеченской были поголовно уничтожены в результате боевых столкновений с федералами или клановых разборок. От его отряда тоже никого не осталось в живых. Члены среднеазиатской секты, подарившей миру этого ангела террора, тоже практически все сожгли себя в пламени джихада. Но самое удивительное, что даже его работодатели не знали о нем ничего, и последний их контакт с ним, Вакиль Покровитель, погиб несколько дней назад в Кручегорске. Бешеный Марид воистину был бесплотным духом. И материализовать его хотели многие.

Известно, что у него есть какой-то ближний круг, который он использует для проведения террористических акций. В деньгах у него никогда недостатка не было – террористическая деятельность относится к числу высокооплачиваемых, а за такие показательные выступления, которыми славился Марид, платили очень неплохо арабскими нефтяными деньгами, а то и звонкими кровавыми долларами ЦРУ.

Судя по всему, главной его движущей силой являлась вовсе не преданность исламским догмам, а дьявольское честолюбие, которое насыщается только разрушением. И ядерная атака на Россию могла стать пиком его карьеры, прославив его в веках. Тогда становилось понятно, почему он сжег за собой все мосты и решил довести дело до конца даже тогда, когда хозяева дали отбой.

Он относился к числу самых разыскиваемых террористов мира. Наша контрразведка, органы МВД, следователи провели огромную работу, пытаясь хотя бы как-то очертить контуры этого призрака, но потерпели неудачу. Марид был будто бы заколдован. И сказочно везучий.

В материалах уголовных и оперативных дел есть крупинцы информации о нем. В основном какие-то смазанные описания от боевиков, которым посчастливилось воочию узреть Бешеного Марида.

Были показания двух пленных, которым чудом удалось выжить. Один из них, Руслан Халиков, в основном описывал какие-то ужасы про этого человека, больше выдавая на-гора эмоции, чем реальные описания, – конкретно он помнил, только что тот бородат, увешан оружием и лыс. Описания со стороны второго выжившего пленного тоже не отличались конкретикой, хотя и были более подробны. С его слов даже был составлен фоторобот – лицо Марида на нем то ли кавказское, то ли среднеазиатское, то ли еще не пойми какое, притом без особых примет. По нему можно хоть сейчас задержать несколько миллионов человек.

Но интереснее было другое. Личность того самого пленного, дававшего показания. Сержант-пехотинец Кузьма Гаврилович Долгонос. Это тот самый человек, с которым на восемнадцать десять у меня запланирована встреча около гостиницы «Днестр».

Кстати, уже пора собираться.

Мое сердце забилося в предвкушении хорошей игры.

Ох, что же день грядущий нам готовит...

Глава 9

Лекарь заранее присмотрел подвал в недостроенном здании на заброшенной стройке. Там на полу блестели никогда не высыхающие лужи, а стены были украшены самыми похабными граффити, которые только можно представить. Пахло нечистотами и тленом.

Место это было какое-то гиблое. Даже деревья на пустующей территории пробивались чахлые и кривые. Кобра нутром чувствовала дурные места – в груди ее холодело, а виски сдавливали маленькими тисками. Ей там не нравилось. А вот Лекаря к таким местам всегда тянуло как магнитом.

В целлофановом фартуке, который предохраняет одежду от загрязнения брызгами крови, с тесаком в руке Лекарь походил на заправского мясника. Каковым он, собственно, и являлся. И разделявал он с равным мастерством как говяжьих туши, так и людей. Сейчас на полу перед ним съезжилась очередная жертва – мужчина неопределенного возраста.

Этот человек был жалок. Много лет назад он был лихим десантником, но та война оставила в его душе незаживающие раны. В результате он покатился вниз. И теперь был неопрятный, осунувшийся, на коже выступали алкогольные прожилки. Жалкая тень бывшего отчаянного сорвиголова.

Кобра брезгливо смотрела на него. Она знала, что этот человек жил один, – жена ушла от него давным-давно. Перебивался случайными заработками, то подправляя крышу, то кладя плитку. Но настоящим мастером он был по электрике – делал проводку надежно, с любовью. А вообще он был готов на любую работу, лишь бы она приносила кое-какие деньги и не занимала слишком много времени, – выпивка сжигает время, как газовая горелка газетные листы. Оглянуться не успеешь, а уже прошла зима – настало лето.

У подручных Бешеного Марида это дельце выгорело на редкость легко. Не пришлось никого ставить под стволы, запихивать в машину, рискуя привлечь к себе постороннее внимание. Кобра просто подошла к бетонному пятачку рядом со строительным рынком, где слоняются такие неприкаемые личности. Высмотрев жертву в толпе, она пробилась к нему и, через силу улыбаясь, произнесла:

- Нужно проводку подправить и выключатель. Справишься?
- Справлюсь, – с готовностью согласился бывший десантник. – Сколько?
- Ну, тысячи три... Чего мнешься? Там работы на два часа. Привезу – отвезу.
- Тогда чего так много? – насторожился он.
- А чтобы ты не считал, что тебе обязаны.
- Разумно, – кивнул бывший десантник.

Он с удобством устроился на заднем сиденье просторного черного джипа «Гранд Чероки». Когда машина проехала за высокую желтую стелу с гербом города наверху и надписью «Липецк», возвышающуюся на границе города, сидящий на переднем сиденье Лекарь обернулся и отработанным ударом громадной ладони отключил клиента.

- Не убил? – забеспокоилась Кобра.
- Скоро очнется, – заверил Лекарь. Он умел дозировать свою силу.

И вот клиент лежит на бетонном полу. И его готовят препарировать. После всех неудач Кобра твердо решила заставить хоть этого жалкого люмпена рассказать все, что он знает. Она сладострастно напряглась, думая, что с этим субъектом они будут работать долго, обстоятельно, вытягивая вместе с жилами из него слово за словом. И пусть он не рассчитывает на легкую смерть.

Десантника прислонили спиной к стене. Лекарь нагнулся над ним и, поигрывая ножом, оскалился улыбкой дикого зверя, готовящегося отведать горячей крови.

– Чего вам надо от безработного алкоголика, товарищи бандиты? – неожиданно спокойно осведомился десантник. – Мелочишко на пиво?

– Не прибедняйся, – поморщилась Кобра.

– А что? Денег у меня нет. Квартира не на меня записана. Внутренние органы никуда не годятся.

– У тебя осталось кой-чего в голове, – произнесла Кобра, жадно рассматривая пленника. – Помнишь, небось, Аташ-Юрт.

– О, все-таки нашла меня война, как я от нее ни бегал. – Страха в его голосе все не было, зато зазвенело обреченное спокойствие, что Кобре совсем не понравилось.

– Она найдет каждого шелудивого пса, – прохрипел Лекарь. – После того, что вы сделали в Аташ-Юрте, ты прожил слишком долго.

– Да, хорошо тогда поработали, – мечтательно протянул десантник.

– И остались долги с тех времен, – сказала Кобра.

– Кому должен – всем прощаю. – Десантник криво улыбнулся.

– Только тебе ничего не простят, – глаза Кобры сузились.

– Твое право грубить и угрожать, подстилка муслимская. Я ведь связан. А у тебя баран с тесаком.

Лекарь выругался и вlepил ему затрещину, от чего голова пленника ударилась о стену.

– Осторожнее! – прикрикнула Кобра.

Лекарь отступил на шаг и отчеканил:

– Говори как человек, а не гавкай, как шелудивый пес. Или голову тебе отрезать?

– Как же я без головы тебе отвечу?

– Гиена языкастая! – Лекарь в порыве злости опять занес руку, но Кобра его остановила.

Она присела на колено рядом с десантником и предложила:

– Давай поступим следующим образом. Я задаю тебе вопросы. Если ответы меня удовлетворяют, то мы закрываем вопрос и отпускаем тебя на четыре стороны. Твоя жалкая жизнь нам не нужна. Ты сам скоро сдохнешь от цирроза печени.

– Это верно, – кивнул десантник. – Ну что ж, сделаю вид, что тебе поверил. Спрашивай.

Кобра сжато изложила, за чем именно они пришли.

– Поможешь? – напряженно спросила она.

Десантник расхохотался:

– А я все-таки прав был. Надо сразу все особистам было отдать, и вас бы, тварей, давно накрыли... А что только сейчас пришли? Чего ждали столько лет?

– Ты знаешь, где нужны нам материалы? – Кобра, присев на колено напротив него, напряженно всматривалась в его лицо.

– Знаю, – простецки улыбнувшись, кивнул десантник.

– Где?

– Ха... Эка Бешеный Марид задержался.

Она вздрогнула, услышав из нечестивых уст имя своего хозяина.

– Чует, что конец ему приходит, – продолжил десантник. – Бог не фраер, он все видит.

– Отвечай, или я отрежу тебе ухо! – прорычал Лекарь.

– Вы, отрывки ишака, правда думаете, что я вам что-то скажу? – Десантник опять рассмеялся – нервно, но очень искренне. – Я! Вам! Тупые придурки!

Он попытался присесть ровнее и радостно объявил:

– А вы ведь скоро все подохнете. И людоед Марид. И ты, бегемот, – тебе отпилят наконец твою большую тупую башку. А тебя, красотка, посадят на кол, и поначалу тебе это, может, и понравится!

– Хорошо, отрежь ему ухо для начала, – поднявшись на ноги, кивнула Кобра Лекарю и, сложив руки на груди, приготовилась к будоражащему кровь зрелищу.

Она знала, что скоро этот ничтожный таракан будет, размазывая сопли и кровь, умолять о пощаде и выкладывать все, что знает, мечтая задобрить ее. Она много раз видела, как гонор и гордость очень быстро сменяются униженностью и раболепием под волшебным воздействием боли. Люди слишком любят жизнь и себя. И слишком не любят, когда даже незначительные части их тел падают на пол.

Лекарь нагнулся над пленником, поднеся к нему нож.

Уши он резать любил. Как и головы. И все другое. Он искренне полагал, что кровью неверных орошен его путь в рай.

– Псина, – протянул Лекарь, сдерживая готовое вырваться ликование.

Десантник неожиданно изогнулся дугой и сумел пнуть «снежного человека» коленом в область паха, притом достаточно болезненно. Лекарь отшатнулся, а потом подался опять к жертве.

Десантник покатился кубарем ему под ноги, и Лекарь упал.

Потом началась дурацкая куча-мала...

Когда тела распались, Кобра увидела, что десантник катается по полу и хрипит. Из его горла хлестала кровь.

– Ты что сделал?!! – заорала она на Лекаря.

– Кобра... – Лекарь перевел дыхание. – Он сам на нож напоролся. Он все рассчитал. Что так просто уйдет!

– Дурак! Ты опять все испортил! Как нам теперь быть?

– Он не последний в списке, – напомнил Лекарь.

Глава 10

Кузьма Долгоносов сделал несколько жадных глотков, и пол-литровая кружка опустела.

– Доброе пиво, – оценил он, переведя дыхание.

– Сами варят, как написано в меню, – сказал я. – По рецептам швейцарских гномов.

– Правда, что ли? – удивился Кузьма.

– Думаю, врут. Гномы это не подтверждают.

– А, – понимающе кивнул Кузьма и взмахом руки подозвал молоденькую официантку в национальной, щедро вышитой узорами одежде швейцарских крестьян в понимании рестораторов. – Ласточка, повтори еще разок.

Миловидная официантка упорхнула за заказом.

Кафе «Линдерхоф», название которого, скорее всего, содрали с аналогичной забегаловки в Москве, по провинциальным меркам было не из дешевых. Бизнес-ланч давно кончился, вечерний кутеж еще не начался, так что в зале из посетителей были только мы вдвоем. Нам выделили огороженный деревянными панелями закуток с круглым столом, стены были завешаны старыми фотографиями с заснеженными горными вершинами и казавшимися на их фоне игрушечными швейцарскими городками. Здесь мы могли спокойно поговорить с глазу на глаз.

– Не думал, что ты так быстро выйдешь, – сказал Кузьма.

– Я тебе говорил – все под контролем. – Я отхлебнул пиво – действительно, самодельное и очень неплохое. – Все здесь прикармлины и с рук едят. Мелкие недоразумения не в счет.

– Получается, не врал ты, что твоя братва город держит.

– Зачем мне город? Кого надо – тех держу. А остальные горожане пусть спят спокойно и не знают, что я есть на белом свете... Ты-то как, любезный, настолько быстро откинулся?

– Да ничего у них на меня конкретного не было. Прокуратура следователей образумила – нечего героя войны за замком держать.

– Оковы рухнут, и свобода нас встретит радостно у входа... Знакомо... И чего, думаешь полиция тебя просто так в покое оставят?

– Не такие они дураки. – Кузьма сделал глоток пива и блаженно зажмурил глаза. – Когда вышел из изолятора, понял, что за мной следят.

– И что?

– Стряхнул их с хвоста. В жизни кое-что повидал, и меня просто так не возьмешь.

– Молодец, что скажешь. Теперь опера тебя держат за профессионального бандита.

– Да и бог им судья. С меня взятки гладки. Не был. Не виноват. Не знаю. Не до них мне.

Дел полно накопилось.

– Бизнес, – сочувственно кивнул я.

– Не собираюсь я тут развивать бизнес, – возразил Кузьма. – Меня в Кручегорск куда более важные дела привели.

– Припоминаю, ты мне еще в изоляторе обещал открыть жгучие тайны. И что-то предложить. Так я тебя внимательно слушаю.

– Смотри, какая ситуация. Я по Интернету переписываюсь с бывшими вояками, кто Вторую Ичкерскую на своем горбу вытащил. Лично никого с той поры и не видел – быт заел. Но так, по сети, часто вспоминаем былую жизнь. Форум есть такой для узкого круга, «Кавказский ветеран». Пару месяцев назад узнал потрясающую историю. Один из ветеранов опознал в Кручегорске Мустафу Юсупова, полевого командира времен Второй войны. При захвате бандит был убит вместе со своими подельниками.

– Слышал что-то об этой истории, – кивнул я. – Ну и что? Воздух чище стал.

– Эти ваххабитские черти здесь появились не просто так. Они как тараканы – если заведутся где-то, потом никаким дустом не выведешь.

– Это ты к чему?

– Они здесь свили гнездо. И готовят грандиозный шухер.

– И?

– У меня раньше был с этим городом кое-какой бизнес. Под предлогом его развития я и приехал сюда. Но мне не нужны те копейки, которые я здесь заработаю. Мне нужны они. Я их должен остановить.

– Смешной ты, – хмыкнул я, с любопытством разглядывая его, как забавную зверушку. – Этим что, некому заниматься? Тебе зачем снова лезть во всю эту трясину?

– Зачем? – Кузьма постучал ногтем по кружке с логотипом заведения. – Чуть больше пятнадцати лет назад бойцы Мустафы Юсупова взяли меня в плен. Мы в передовом дозоре были. Нарвались на засаду. Врезали по нам из подствольников и пулемета. Моих ребят скосило сразу. А я выжил. И меня, как барана, продали Бешеному Мариду.

– Ты в плену был у муслимов? – изумился я, стараясь, чтобы удивление выглядело как можно искреннее.

– Был.

– Ох как давно это было, Кузьма, – покачал я головой. – Пора перестать париться.

– Как будто вчера. – Он помолчал, потом потребовал третью кружку и продолжил: – Думаешь, меня эта камера в ИВС испугала? Да она как дом отдыха. Вот зиндан в банде Марида, в который меня кинули, – это действительно дно. Кладбище надежд.

Он опять замолчал, ушел в глубь себя. Я его не тревожил и терпеливо ждал продолжения разговора.

Официантка принесла пиво. Кузьма очнулся, сделал глоток, со стуком оставил кружку на стол. И произнес:

– Сергей, ад – это не тот свет. Ад – это наш свет в ожидании отправки на тот. Это когда тебя через день водят на расстрел под гогот и пинки жизнерадостных душманов. Потом дают очередь поверх головы, и это стадо успокаивается. Ад – это когда на твоих глазах убивают солдата-пехотинца, у которого молоко на губах не обсохло. Стоя на коленях, он шепчет себе под нос плохо заученную молитву, а потом ему отрезают голову мясницким ножом. Ад – это когда тебе суют в руку автомат и заставляют убивать тех, с кем ты сидел в зиндане. И перед тобой чудовищный выбор между инстинктом самосохранения вперемешку с диким желанием жить и осознанием того, что после такого предательства такая жизнь тебе вовсе и не нужна будет, поскольку ты уже будешь не человек, а тля. И когда ты отказываешься и ждешь несколько секунд выстрел в затылок – это тоже свой маленький ад.

– Да, дружище, досталось тебе.

– Я хочу посчитаться. Я хочу, чтобы их не было. Нечисть не должна ходить по земле.

– Понятно. Старые счеты – это святое... Народный мститель. Человек-паук против мистера Зло. благородно, но глупо.

– Глупо? Наверное. Но ты не представляешь, что значит просыпаться ночами в бессилии оттого, что ничего не можешь сделать с ними. И вот появилась возможность посчитаться...

– Ты не молчи, продолжай.

– В общем, по прибытии сюда походил я кругами. Не спрашивай, как. Подключил кое-какие связи среди братвы. И почти случайно наткнулся на него.

– На кого?

– На Вакиля, правую руку Бешеного Марида.

– И замочил?

– Нет... Прилип к нему. Проследил. На окраине в промзоне заброшенный завод. Довел его дотуда. Там у него была какая-то стрелка. Долго его не было. Я решил осторожно посмотреть, куда он делся. И увидел эту тварь в луже крови.

– И что?

– Он был еще жив. Ему пропорол бок и оставили умирать. Так бы и истек кровью, но тут я... Может, у него бред был. Или чего померещилось. Или еще из каких-то своих соображений – не знаю. Но факт остается фактом – он кое-что сказал мне перед смертью.

– Что?

– В Кручегорск прибыла террористическая бригада. Что-то готовят, как я и думал.

– Вывод?

– Мне нужна помощь.

– Моя?

– Твоя.

– Вообще в России имеются специально обученные люди для отлова этих зверей.

– Со спецслужбами свяжешься, потом не развяжешься. И долго доказывать придется, что ты не верблюд. И поверят ли...

– Ха, – улыбнулся я. – Понимаю твой порыв. Хочешь самолично взять и убить всех плохих человек. Я тоже таким был. Лет в десять от роду. В одиннадцать лет у меня уже появился здоровый цинизм.

– Ты же воевал. Ты знаешь, кто они.

– Знаю... Но убить всех нехороших человек у меня не хватит ресурсов. И даже если я окончательно сойду с ума и объявлю крестовый поход против сарацинов, замысляющих недоброе, мои ребята бесплатно не работают.

– Речь не идет о бесплатно. – Кузьма замялся.

– Ну что ты замкнулся на самом интересном месте?

– Я растормошил Вакиля перед смертью. Он сказал, что в его бригаде осталось четыре человека. И еще общак в полмиллиона долларов. Половина – ваша.

– Триста пятьдесят наши, сто пятьдесят – твои, – тут же перекалькулировал я.

– Годится.

– Уже теплее. А этот Вакиль тебе не сказал, где их искать?

– В Кручегорске или в области. Где-то здесь.

– Самое главное ты не спросил.

– Эта тварь не вовремя истекла кровью... А потом меня повязали недалеко от труп...

– Твоя помощь в чем будет?

– Понимаешь, я единственный остался, кто может опознать этих людей. Я помню каждого из них. И Вакиля. И самого Марида. И других, кто смеялся, когда меня водили на расстрел. Если ты покажешь их мне, я узнаю...

– Веселое дело – искать иголку в стоге сена.

– Поэтому и обращаюсь к тебе.

– Все-таки очень мало информации.

– Знаешь, Чухонец такой есть?

– Авторитет с Южнозаводского района, – кивнул я.

– Он самый. Спелся с этими моджахедами. И выполняет для них какую-то работу. Только не спрашивай, откуда мне это известно. Знаю – и все.

– Многие знания – многие печали... Значит, говоришь, Чухонец. И через него можно выйти на этих воинов джихада.

– Можно попытаться.

– Уже что-то.

– Узнаю больше – скажу тебе сразу. А я узнаю...

– Только не затягивай, – предупредил я. – А я тем временем посоветуюсь с братвой... Триста пятьдесят тонн грин – это сумма. Особенно по нынешним депрессивным временам.

– Когда о решении скажешь? – напряженно осведомился Кузьма.

– Как только, так сразу... Я позвоню...

Глава 11

Комбинатор чувствовал себя идиотом. Да что там чувствовал. Он и был идиотом. Ибо нормальный человек способен в переплетении фактов и обстоятельств уловить хоть какую-то логику и закономерность. А идиотам это не по плечу.

Он отодвинул от себя клавиатуру – старомодную, с проводом. Здесь, в комнатенке пять на пять метров, все было кондово и старомодно. Даже имелись пружинная кровать, покрытая синим армейским одеялом, и парочка прикроватных тумбочек – прямо как в далекой юности, когда в универе он побывал на военных сборах. От тех времен у него осталось в памяти, как натирает шею подворотничок, как звучат команды «подъем-отбой». Романтическая кратковременная муштра и наглядное изучение боевой техники подарили ему по выходу из альма-матер гордое звание «лейтенант запаса», которое неожиданно пригодились через много лет.

Компьютерное железо было хоть и неказистым с виду, однако с мощнейшей начинкой и уникальными программами. Пока Жора Ремизов не стал хозяином этой комнаты, расположенной глубоко под землей и надежно заэкранированной, он не мог вообразить, что некоторые представленные здесь технические приспособления и программы вообще существуют в природе. Они будто из какого-то далекого будущего, когда космические корабли станут бороздить просторы дальнего космоса. Да и вообще много чего он себе раньше представить не мог. Весь мир оказался совершенно не таким, как он его представлял себе, – гораздо интереснее и сильно страшнее.

Иногда он полагал, что по праву занял свое место в этом новом для него мире заговоров, спецслужб, новейших технологий и устаревших, но эффективных методов спецслужбистской работы. Однако нередко его посещали сомнения, и тогда казалось, что он не кто иной, как самозванец, очутившийся здесь по недоразумению и не способный оправдать оказанное доверие. И его гнать надо отсюда и не пускать никогда. Потому что он идиот! И ничем не может помочь родному ведомству. А главное, имеет все шансы подвести Шефа – так называли в их маленьком коллективе командира группы. А это никуда не годится. Шефа подводить нельзя. Шеф для каждого «перевертыша» – это полномочный представитель господина на земле.

Ох, шарики вы ролики, чего же вы так туго ворочаетесь в голове?

Комбинатор включил навороченную дорогую кофемашину последнего поколения с множеством функций, стоящую на расшатанном столике в углу. Заварил ароматный, настоящий эфиопский кофе.

Ему вдруг подумалось, что это место просто создано для него. Он отделен от внешнего мира, который пугает его все больше и больше. И вместе с тем держит руку на его пульсе. А пульс этот все больше сбоит. В воздухе разлито ощущение неустойчивости, перемены эпох. Оно во всем. В сломе парадигм и моральных устоев. В воцарении совершенно диких нравственных, а точнее, безнравственных ценностей, за которые раньше вздернули бы на дыбу. В победном шествии по земле странного бога под именем Толерантность, противоестественно сожительства с самыми дикими проявлениями возрождающегося нацизма и религиозного фундаментализма. Все ставится с ног на голову. С Запада пытается завладеть миром оруэлловский «1984 год» с его двоемыслием, Министерством правды и лозунгами «мир – это война». Будущее, которого Жора раньше ждал с надеждой, теперь откровенно пугало его...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.